

Фото Эстер Битон

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕРЕВО

В АВСТРАЛИИ НАЙТИ ЁЛКУ НА НОВЫЙ ГОД — невероятное дело. Ели здесь практически не растут. Вместо неё наряжают сосну. Но можно и этого не делать, поскольку в стране Антиподов есть уникальное, чисто австралийское дерево, которое самой природой предназначено, чтобы с ним отмечать христианское Рождество красиво и празднично — вся крона дерева в красно-розовом сиянии. Правда, его не принято срубить и ставить дома в ведре. Его частенько сажают во внутреннем дворике и там же, под открытым небом, справляют Рождество — ведь оно летом. Это дерево даже именуется новоюжноуэльским рождественским деревом (the New South Wales Christmas Bush). В октябре на его ветках появляются маленькие белые пятилепестковые цветы. Но не им дерево обязано красотой и славой, а их чашелистикам — тем, что образуют чашечку цветка, защищая его в почке, а потом поддерживая лепестки при цветении. Белые цветки, принося плоды, скоро увядают и опадают. Зато чашелистики постепенно увеличиваются и становятся пламенно яркими. Максимальной яркости они достигают в конце декабря, то есть в христианские рождественские праздники. В эту пору люди не обходят вниманием чудо-дерево, а птицы — клюют плоды.

Австралийка Эстер Битон, автор фотографии, рассказала: «Однажды, несмотря на праздники, я проснулась ранним утром и увидела в окно розовых какаду на ветках Рождественского дерева во дворе у соседей. Рассвет озарил и ветки, и птиц волшебным светом. Я решила пробраться во двор к соседям и запечатлеть на фото уникальный момент. Правда, в Австралии очень чутят свою и чужую частную жизнь, но не станете же вы, как заведено, просить разрешения вторгнуться на соседний двор в такую рань? Словом, я схватила свой штатив и длиннофокусный объектив для фотокамеры и перепрыгнула через забор во двор к соседям. Крадучись, ступала по траве, стремясь приблизиться к птицам как можно ближе, но вдоль стены дома. И оказалась прямо под окном ванной комнаты. И тут меня «засекли». Теперь представьте, каково было соседу — дюжему малому, владельцу устричной фермы. Он мылся, готовясь к праздничной торговле устрицами. И вдруг через окно ванной увидел буквально в нескольких дюймах от своего носа женщину с огромным фотообъективом в руках, нацеленным прямо на него. «О, привет!» — произнёс он, и я ответила: «Хм, привет, я просто фотографирую розовых какаду». К счастью, среди устричных фермеров встречаются весьма учтивые, которые снисходительно относятся к подозрительным женщинам, скрывающимся в кустах. «Не беспокойтесь», — сказал он и продолжил принимать душ. А я спокойно сделала снимок розового какаду в лучах восходящего солнца среди рдеющих «рождественских» чашелистиков. Предыстория конфузная, зато на фото — и знаковая птица, и символическое расцветшее дерево, и изобильное красное свечение летней Антиподии. Не правда ли, я попыталась привнести в рождественский сезон немного австралийского привкуса?»

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

40-2017

40 2017

Первая леди Элизабет Маккуори обладала социальной совестью

Австралийский писатель Роберт Дессе пишет о Тургеневе

81328 ВЕСЕЛЫЙ АРТЕМ (КО)

Сталинские репрессии в судьбе историка Елены Говор

Австралийская МОЗАИКА

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПОЭТ НОРА КРУК
ПОДОЛГУ ЖИЛА
В ТРЁХ СТРАНАХ:
В КИТАЕ,
В ГОНКОНГЕ И
В АВСТРАЛИИ.
А В РОССИИ
НИКОГДА НЕ ЖИЛА.
ПОСЕЛИВШИСЬ
В СИДНЕЕ,
В ПОЛНЫЙ ГОЛОС
ЗАЯВИЛА О СЕБЕ
КАК О ПОЭТЕ
АВСТРАЛИИ.
ПРИЧЁМ СРАЗУ
НА ДВУХ ЯЗЫКАХ:
НА АНГЛИЙСКОМ
И НА РУССКОМ.
«ОДНАКО,—
ГОВОРИТ НОРА,
— РУССКАЯ
КУЛЬТУРА,
А НЕ КИТАЙСКАЯ,
НЕ АНГЛИЙСКАЯ,—
МОЯ РОДНАЯ».

(стр. 48-55)

РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Журналист Валерий Сандлер

с русским языком и русской культурой. Три года назад Валерий Сандлер взял интервью и у русской австралийки — историка и писательницы Елены Говор. Елена Говор стояла у истоков альманаха «Австралийская мозаика» и все шестнадцать лет его существования была не только постоянным автором журнала, но и моим главным вдохновителем и советчиком как редактор. Лена Говор — для меня она просто Лена — человек незаурядный, и, думаю, не случайно журналист из Нью-Йорка прослышал о ней и опубликовал интересное интервью. Правда, взято оно было три года назад — много воды с той поры утекло. Поэтому я попросила Лену рассказать о том, что нового произошло в её жизни в последние год.

Татьяна Торлина, редактор «АМ», Сидней

Журналист Валерий Семёнович Сандлер более десяти лет сотрудничает с Нью-Йоркским еженедельником «В Новом Свете». Он эмигрировал в Штаты из Киргизстана около четверти века назад. 12 лет проработал редактором отдела новостей в крупнейшей и старейшей в Западном полушарии ежедневной газете «Новое русское слово» и заметил по поводу ухода газеты из жизни: «Мир её праху, хоть и почил она немирно, успев всё же отметить своё 100-летие!» Сандлер уже тринадцать лет числится пенсионером, но, по его словам, ни одного дня не был в статусе «бывшего журналиста» — иначе немедленно начал бы медленно умирать. Ведёт авторскую рубрику «В Новом Свете», которая носит название «Русское зарубежье» — публикует в ней интервью с людьми, чьих судьба разбросала по миру, но которые при этом не потеряли связи

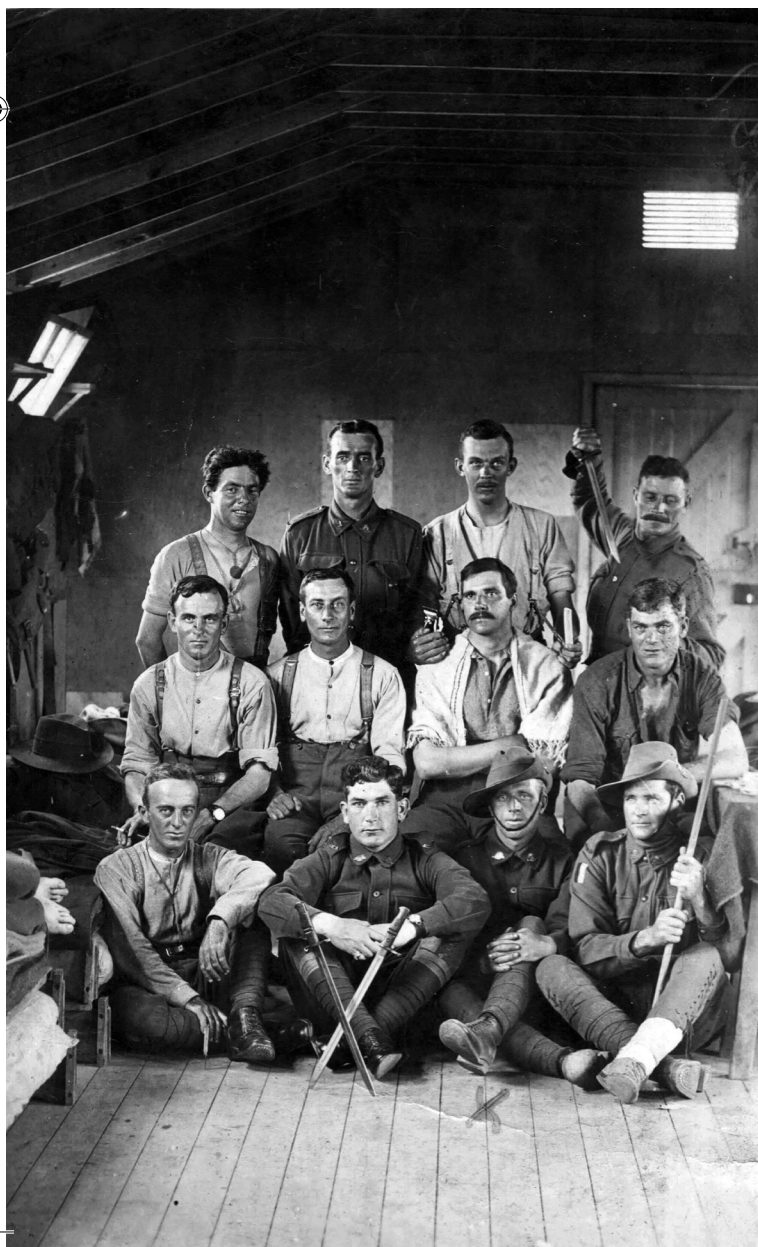
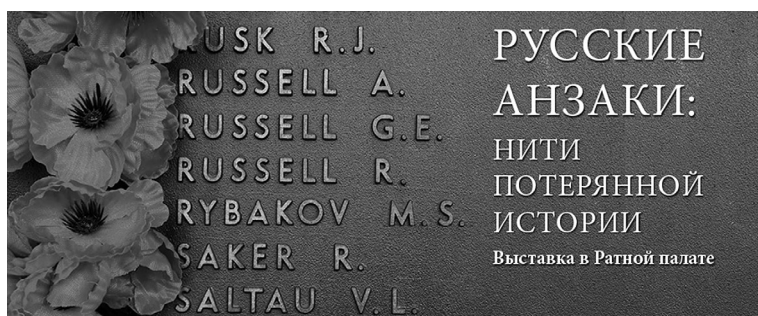
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Елена Говор

ЭТО ИНТЕРВЬЮ ВЗЯТО В 2014 ГОДУ. С ЭТОГО ВРЕМЕНИ БОЛЬШИХ ИЗМЕНЕНИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ НЕ ПРОИЗОШЛО. ПОЯВИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ. НАПРИМЕР, В ЭТОМ ГОДУ ВЫШЛА КНИГА «ПАДАЮЩИЕ ЗВЁЗДЫ. ИСТОРИЯ АНЗАКОВ¹ ИЗ УКРАИНЫ», ГДЕ Я ПРОСЛЕДИЛА СУДЬБЫ 134-х уроженцев Украины, вступивших в Австралийскую армию в годы Первой мировой войны. Книга вышла на английском языке, но одну из историй этих анзаков — о семье Волковских — я надеюсь написать по-русски для читателей «Австралийской мозаики». Со столетием Первой мировой связано и несколько

¹ АНЗАК (Австралийский и новозеландский армейский корпус) — воинское формирование Австралии и Новой Зеландии, сформированное для участия в Первой мировой войне (Из Википедии).

других проектов. В 2016 году наши российские анзаки впервые, выражаясь метафорически, вернулись на родину! При содействии Австралийского посольства в России, в Царском Селе под Санкт-Петербургом прошла выставка «Русские анзаки: нити потерянной истории». Экспонировалась она в Государевой Ратной палате. Это здание было построено накануне Первой мировой войны, но затем за ненадобностью — заброшено. И вот теперь в его залы «пришли» наши анзаки. Выставку — планшеты на двух языках — я подготовила с сыном Рафаилом.

С его же помощью был модернизирован мой вебсайт Russian Anzacs (<http://russiananzacs.net/>), где я описываю историю каждого анзака, приводя материалы и документы, приуроченные ко дню вступления этого анзака в армию ровно сто лет назад.

Среди других проектов — издание книги «Из Санкт-Петербурга в Порт-Джексон» с рассказами русских моряков и путешественников об Австралии. Она вышла в прошлом году по-английски и будет интересна для всех интересующихся историей русско-австралийских контактов. Большинство текстов публикуются в прекрасных переводах Кевина Уиндла, австралийского слависта, с которым, надеюсь, читатели «Австралийской мозаики» скоро познакомятся.

А из моих проектов, связанных с пребыванием русских на островах Океании, самым интересным была так называемая «полевая» работа в Новой Гвинее — по следам Миклухо-Маклая. Сначала на южном берегу в заливе Худ, а потом и на Берегу Маклая, в деревнях, где он жил. Первыми впечатлениями от этих поездок я поделилась в интервью, прозвучавшему по русскому радио SBS. Ссылки на него есть на моём сайте <http://elena.id.au/> в разделе South Pacific. Обо всём этом ещё предстоит написать статьи. Другие проекты находятся в разной стадии завершения. Сейчас, например, сдаю в печать статью о русских географических названиях в Океании и о том, как повлияли контакты наших путешественников с местными жителями на эти названия.

Постепенно я продолжаю работать и над своим самым давним проектом — историей ранней российской эмиграции в Австралии — и буду рада знакомить читателей «Австралийской мозаики» с новыми исследованиями.

Елена Говор, Канберра, 2017 г.

Сверху вниз:

Рафаил, сын Елены Говор, помогал матери в подготовке выставки

Анонс выставки, 1.06.2016 — 30.09.2016

В экспозиции были представлены фотографии и биографии более 30-ти русских участников Австралийско-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), которые воевали в Первой мировой войне

Австралийская МОЗАИКА № 40-2017

ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР

КОМУ В СТРАНЕ ДЕЛЬФИНИИ ЖИТЬ ХОРОШО

Елена Говор: «Мы вышли из московской квартиры и не вернулись...»

АВСТРАЛИЙСКИЕ АБОРИГЕНЫ ВПРАВЕ ОБИЖАТЬСЯ на Владимира Высоцкого, заявившего в своей знаменитой песне, будто их предки убили и съели Джеймса Кука.

Мало того, что великий мореплаватель был убит не в Австралии, а где-то на Гавайях, так его никто и не ел, всё было куда проще: «Кому-то под руку попался каменюка, метнул, гадюка, — и нету Кука». Есть разница? Есть, но Куку от этого не легче.

Вся эта путаница плюс несправедливость лишь подогревают наш интерес к стране, до которой и самолётом можно долететь, и доплыть пароходом. Что и сделали много лет назад супруги Елена Говор и Владимир Кабо. Сегодня Елена Викторовна Говор, историк и писатель, доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей, — гость нашей рубрики. Соединил её столичную Канберру с моей мичиганской деревней Walled Lake, как все уже догадались, трудяга Skype.

Валерий Сандлер: *Как вы там оказались, на самом краю географии?*

Елена Говор: Австралия — это моя мечта, духовная родина, возможность уйти от лживой советской пропаганды, пьяных соседей, матерящихся мужиков, она захватила меня, когда я была подростком.

Сначала бежала от всего этого в мир Александра Грина, позднее нашла книгу рассказов австралийских писателей. И поняла, что где-то на краю земли есть единственное место, где я хочу быть, где всё по-другому — не в смысле экзотики, а в смысле человеческих отношений и возможностей. Детство моё прошло в Минске рядом с бабушкой, вдовой писателя Артема Весёлого, его в 1937-м году арестовали, в 1938-м расстреляли...

В.С.: *А родители ваши?..*

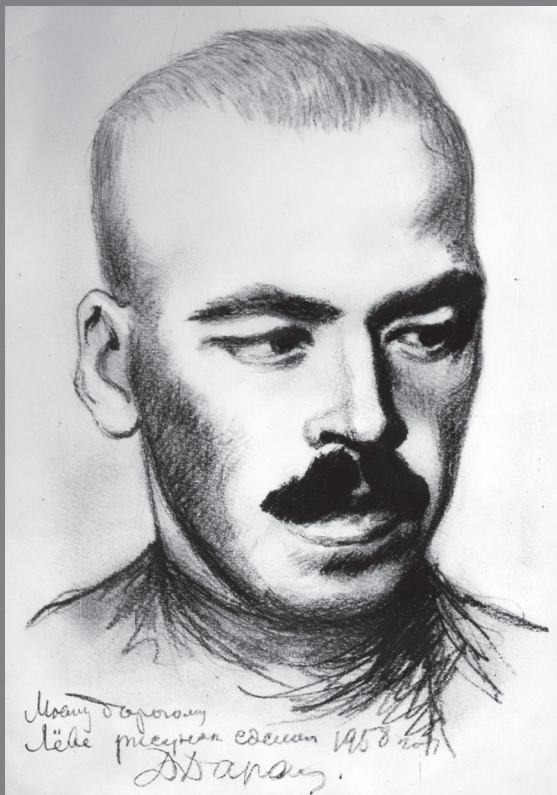
Е.Г.: Мама умерла в 1957 году, когда я только родилась. Жила я то с бабушкой, то с отцом. Он был журналистом, работал в газетах, в журналах, ездил по деревням, изучал белорусское народное творчество, собрал огромное количество ценного материала. Не в пример мужикам, которые вечерами, придя с работы домой, напивались, дубасили жён и заваливались спать, он большей частью лежал на тахте и писал неконформистский роман о постсталинской Беларуси. Писал без всякой надежды на публикацию.

В мои 13–14 лет я была его единственным слушателем. Как сейчас помню: отец зовёт меня к себе в комнату и вслух читает, я абсолютно ничего не понимаю, это не Грин, не Австралия, хотя чрезвычайно красиво. Однажды он принёс домой радиоприёмник, по которому можно было ловить короткие волны; ничего не объясняя про западные «голоса», просто их включил, и я весь день, пока что-то шила в его комнате, слушала новости. И поняла, что о политике можно говорить не так, как по советскому радио. Уже лет в 16 я начала самостоятельно слушать западные радиостанции.

В.С.: *Молодым человеком я читал роман вашего деда Артема Весёлого «Россия, кровью умытая», но и мечтать не мог, что когда-то буду говорить с внучкой знаменитого писателя. А вот вы в начале беседы упомянули о своей мечте...*

Е.Г.: Она сбылась в 1990 году: мы с мужем приехали в Австралию по его научной работе. Приехали и увидели... Страну Дельфинию, к которой так стремились наши души! Судьба была к нам милостива: я поступила в аспирантуру в Австралийском национальном университете, это позволило нам остаться...

В.С.: *... оставив за спиной всё, чем располагали: работу, квартиру, друзей?*

1

2

4

3

5

6

На странице слева:

Илл.1. Артём Весёлый. Рис. Даниила Дарана

Илл.2. Фото из следственного дела. Кочкуров (Артём Весёлый) Николай Иванович. Дата рождения: 29 сентября 1899 г. Дата смерти: 8 апреля 1938 г., на 39 году жизни. Социальный статус: писатель, член РСДРП (б), член Союза советских писателей. Дата ареста: 28 октября 1937 г. Приговорён: ВКВС СССР 8 апреля 1938 г., обв.: участие в к.-р. террористической организации. Реабилитирован: 7 марта 1956 г. ВКВС СССР

Илл.3. Людмила Иосифовна Борисевич, жена Артёма Весёлого, в 1919 г.

Илл.4. Людмила Иосифовна Борисевич — бабушка Елены Говор. Сведения из следственного дела: дата рождения: 29 сентября 1901 г. (умерла в 1978 г., на 77 году жизни). Социальный статус: Жена писателя Артёма Весёлого. Образование: среднее. ГУ лагерей : Акмолинский лагерь жён изменников Родины АЛЖИР 17-е женское лагерное специальное отделение Карагандинского ИТЛ, Республика Казахстан. ГУ лагерей: Карагандинский исправительно-трудовой лагерь КАРлаг, Республика Казахстан. ГУ лагерей: Каменский ИТЛ КАМЕНлаг (ранее Ново-Каменский ИТЛ), Саратовская область, Россия. Дата ареста: 22 декабря 1937 г. Приговорён: ОСО при НКВД СССР 15 апреля 1938 г., обв.: как ЧСИР (член семьи изменника родины). Приговор: к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован: 1956 год

Илл.5. Весёлая (Говор) Волга Артёмовна (Николаевна) — мать Елены Говор — в 1953 г. Сведения из следственного дела: Дата рождения: 12 октября 1931 г. (умерла в 1957 г., на 26-м году жизни). Социальный статус: на момент ареста — ребёнок, в дальнейшем биолог. Образование: в дальнейшем высшее. Учреждение НКВД: Даниловский детский приёмник. Детский дом: Городец, Нижегородская область. Дата ареста: 22 декабря 1937 г. Приговорён: ЧСИР

Илл.6. А это Лёва и Волга, дети Артёма Весёлого, в 1936 году, до ареста отца в 1937-м (девочка Волга справа — будущая мама Елены Говор)

На странице справа:

Илл.7. Волга Артёмовна Весёлая (Говор), мама Елены Говор, в 1956 г.

Илл.8. Виктор Говор, отец Елены Говор, — молодой журналист

Илл.9. Детство Елены Говор прошло в Минске рядом с бабушкой, вдовой писателя Артёма Весёлого

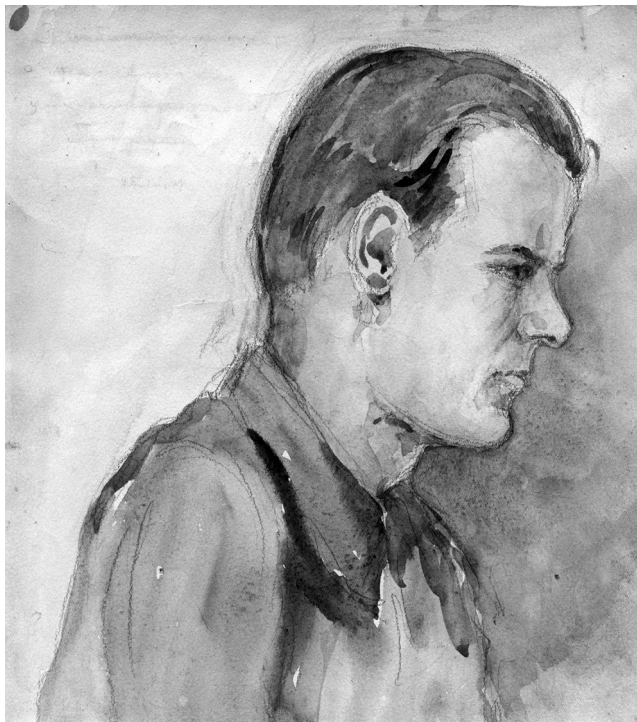
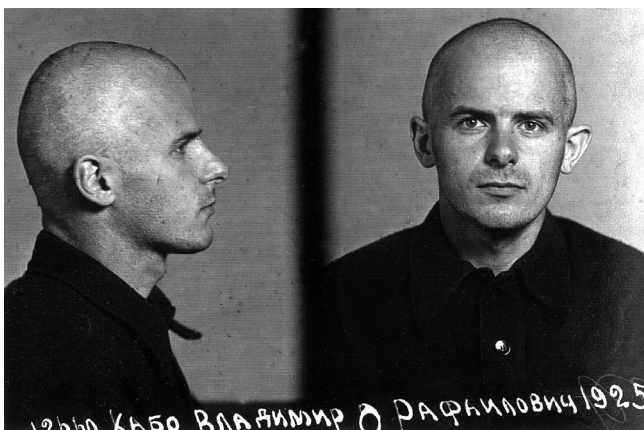
7

8

9

Сверху вниз:

Минские шестидесятники —

Виктор Говор с сотрудниками минского радио, 1960 г.

Фотография Владимира Кабо, сделанная на Лубянке в ночь его ареста. Из следственного дела В. Р. Кабо.

Портрет Владимира Кабо в лагере, сделанный лагерным художником. 1953 г.

Е.Г.: Мы вышли из московской квартиры, полной вещей и книг, и в неё не вернулись... И в Австралии оказались в положении бедных студентов. Муж — доктор исторических наук, в академическом мире России занимал видное положение, я — научный сотрудник Института востоковедения, так что в материальном плане наш отъезд стал резким скачком вниз.

Но я была счастлива, что живу в стране, о которой мечтала, она стала моим домом, всё остальное ерунда. В этом мы с мужем были едины. Австралийские аборигены — давняя тема его научных изысканий. Бывший фронтовик, он после войны учился в МГУ, в 1949-м году, на последнем курсе, был арестован и посажен в лагерь, там ему в руки попала книга об аборигенах Австралии, другие книги о первобытной культуре, и он родителям писал: «Если выживу и выйду на волю, хочу посвятить себя изучению истоков духовной культуры первобытного общества».

В.С.: За что его посадили?

Е.Г.: Были три друга: Владимир Кабо, Юрий Брегель и Сергей Хмельницкий. Этот третий завёл разговор о создании некой конспиративной группы с неясными целями. Кабо и Брегель отказались. Но они не знали, что Хмельницкий работает на «органы» и, значит, участь их решена.

Обоих арестовали, обвинили в попытке создания антисоветской организации, дали по 10 лет лагерей общего режима, через 5 лет, уже после смерти Сталина, освободили с формулировкой «За отсутствием события преступления» (не состава, а самого события!), восстановили в университете. Владимир ещё в ходе допросов понял, что их арест — «заслуга» Хмельницкого, и решил его разоблачить.

Они с Брегелем написали в адрес Института истории культуры, где Хмельницкий в то время работал и должен был защищать кандидатскую диссертацию, заявление: этот человек — стукач и провокатор КГБ, он посадил двоих друзей. Заявление было зачитано на Учёном совете, и хотя защита диссертации все же состоялась, от Хмельницкого порядочные люди отвернулись, и ему пришлось уехать в Среднюю Азию.

В.С.: До вашего совместного отъезда в Австралию муж там бывал?

Е.Г.: Он был невыездным: еврей и не член партии. С таким букетом даже речи не могло идти о поездке в капстрану. Научные труды Владимира Кабо знали в Австралии, оттуда ему слали приглашения, готовы были оплатить поездку, но его просто не выпускали.

В.С.: *Обоих вас туда влекло, не встретиться вы не могли...*

Е.Г.: Я составляла библиографию работ на русском языке об Австралии. Библиография включала около 6 тысяч названий, вышла отдельным изданием, работы Владимира Кабо в ней заняли достойное место. На этой почве мы встретились, и когда он предложил мне выйти за него замуж, я согласилась. Ничего не планируя, не просчитывая — просто сделали шаг навстречу друг другу.

В этом огромную роль сыграла наша общая любовь к Австралии. Кстати, когда мне было лет 8, я прочитала предисловие Владимира Кабо к книге Эрнеста д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика», от него узнала об австралийских аборигенах...

В.С.: *Я эту книгу в детстве тоже читал, обложку, как сейчас помню: мальчик в звериных шкурах на фоне костра. Так у вас с мужем, должно быть, солидная разница в возрасте...*

Е.Г.: Огромная разница, в том-то и дело! Мне вокруг говорили: что ты делаешь, ты с ним не проживёшь и года!.. Но мы счастливо прожили 26 лет, до самой его смерти, несмотря на то, что принадлежали к разным поколениям. Своё лучшее, неформальное образование я получила благодаря тому, что мы вместе обсуждали то, что он писал, его идеи, потом мои идеи.

В.С.: *Он написал несколько книг об аборигенах Австралии. Чем его привлекла эта тема?*

Е.Г.: Истоками формирования человеческого общества. По выходе на свободу он осмыслил это в очерке «Структура лагеря и архетипы сознания». Лагерь — не просто противостояние между заключёнными и надсмотрщиками, внутри самих эков существует социальное расслоение, первичные ячейки: воры в законе, суки, работяги. Нечто похожее Владимир увидел у аборигенов.

В.С.: *Лагерные эки — и аборигены. Обидная параллель. Другого варианта для сравнения не нашлось?*

Е.Г.: Это не параллель, а приём, помогающий понять, что происходит с человеческим обществом в экстремальных условиях, как оно самоорганизуется, благодаря каким механизмам социальной и духовной адаптации выживает. Не случайно, вернувшись после лагеря в университет, муж выбрал своей специализацией этнографию. И успешно ею занимался, став признанным этнографом-австраловедом,

специалистом по истории и культуре аборигенов Австралии.

В.С.: *Сами вы, поди, тоже не сидели, сложа руки?*

Е.Г.: Окончив аспирантуру, я издала несколько книг, одна из них — «Русские анзаки в австралийской истории», о россиянах в австралийской армии в Первой мировой войне, ещё одна — о русской экспедиции Крузенштерна на Нуку Хива в 1804-м году. Общее определение моих работ: Cross Cultural Studies, межкультурные пересечения между россиянами и жителями Австралии и Океании.

Пять лет назад муж умер, в моей жизни наступил тяжёлый период, но сейчас я возвращаюсь к активной научной работе. С моим коллегой Крисом Баллардом мы получили грант на изучение наследия Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Идём по его следам: Меланезия, Новая Гвинея; встречаемся с людьми в деревнях, где он останавливался и делал рисунки. Рисовал удивительно точно: лица, дома, строения, домашнюю утварь, ритуальные предметы. Готовимся к экспедиции на южный берег Новой Гвинеи, в районе залива Худ, где Миклухо-Маклай побывал в начале 1880-х годов. С группой музейных работников из Кембриджа я участвую в розыске коллекции артефактов с Маркизских островов, собранных в ходе первого кругосветного плавания экспедицией Крузенштерна.

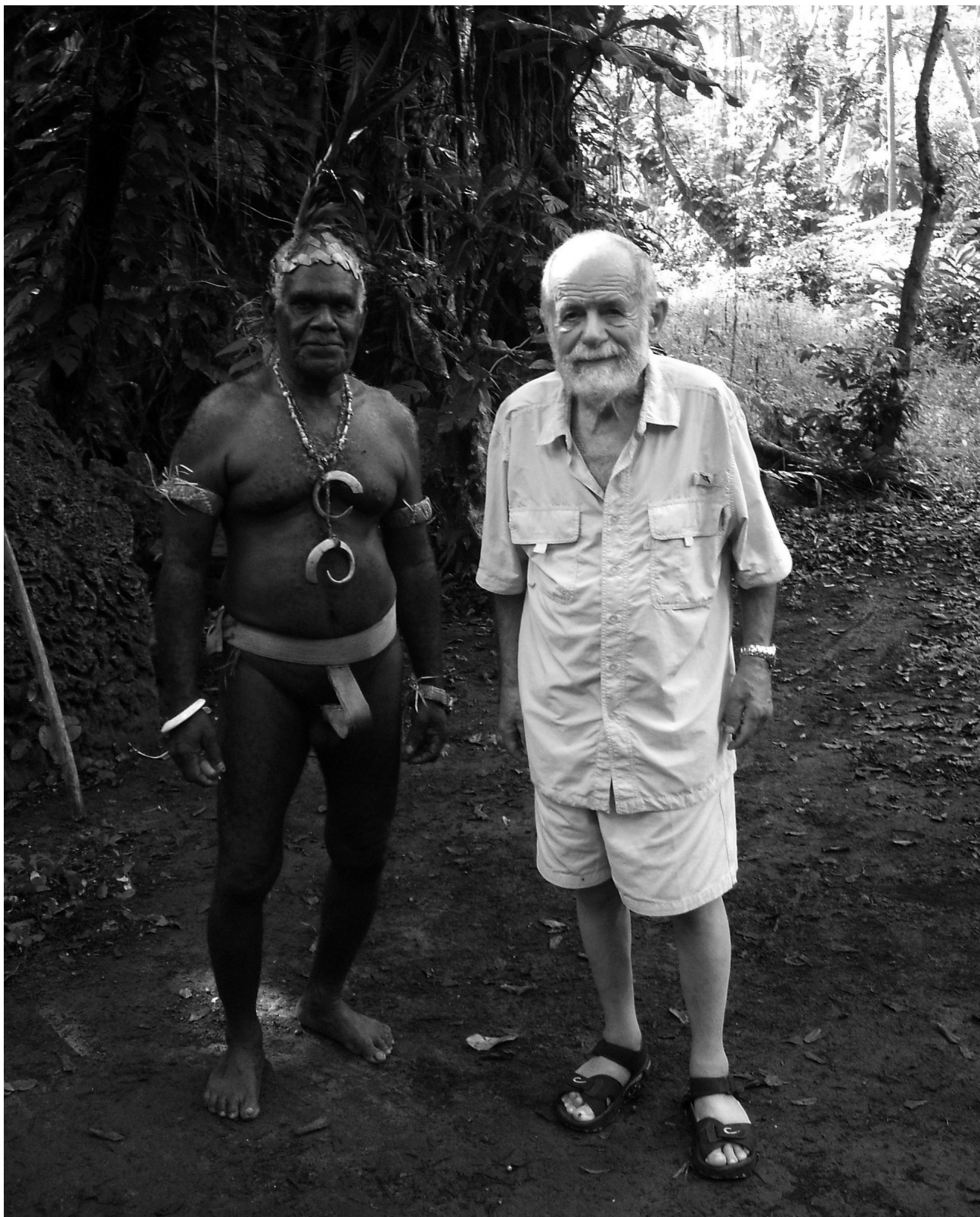
На проекте «Из Австралии в ГУЛАГ» я работаю с другим моим коллегой, славистом Кевином Уиндлом: истории людей, которые после эмиграции в Австралию вернулись в СССР и стали жертвами сталинских репрессий. Часть таких историй мы уже опубликовали. Продолжаем собирать новые.

В.С.: *Многое ли из того, о чём вы мечтали, сбылось?*

Е.Г.: Да, пожалуй, всё у меня сбылось. Мечта увидеть Австралию, и мечта встретить мужа — друга и единомышленника. Вырастить сына — тоже была мечта. Сын у нас родился, мы назвали его Рафаилом, в честь дедушки с отцовской стороны, видного учёного, специалиста в области экономической географии.

Сыну 22 года, в университете получил степень бакалавра, уехал на год в Англию, сейчас вернулся к учёбе, пишет работу по психогеографии, это область на стыке литературы, социологии, истории, психологии. Пишет стихи современного направления, slam poetry. Свободно и с удовольствием говорит по-русски.

В.С.: *Ваша с мужем заслуга?*

Владимир Кабо стал признанным этнографом-австраловедом, специалистом по истории и культуре аборигенов Австралии

Е.Г.: Известная проблема: эмигранты из России отдадут ребёнка в детский сад, там он быстро переключается на английский язык. К счастью, мы с мужем первые годы были настолько бедны, что не могли оплатить даже один час пребывания сына в детском

саду, и до пяти лет он был с нами. Мы с ним говорили по-русски не только о мультфильмах, но о культуре, истории и религии, о динозаврах и теории относительности. Всё это сработало. После смерти мужа сын — мой главный русский собеседник. Серьёзно

заявшись историей нашей семьи, я уже нашла для сына 240 его прямых предков по обеим родительским линиям. Разобрала архив семьи Владимира Кабо, в частности, переписку его родителей в 1912–1913 годах, когда они были разлучены и каждый день писали друг другу письма страницы по четыре, это удивительный документ эпохи. Другая группа документов — письма моей мамы. Через два месяца после ареста деда, Артёма Весёлого, арестовали бабушку, а детей разделили и отправили в детские дома (к счастью, потом они сумели воссоединиться). Все девять лет, что бабушка была в лагере, моя мама писала ей письма.

Бабушка вышла на свободу — мама, уже студенткой, опять писала, поддерживала её морально. Но и через 30, и через 40 лет после лагеря бабушка не могла о нём вспоминать, не заплакав. Через мамины письма, через бабушкин дневник я пытаюсь постичь — как тяжело пришлось людям, которые, в отличие от нас, не могли выбрать другую страну, другой политический режим...

В.С.: Австралия — та самая другая страна с другим режимом, какую стоило выбрать?

Е.Г.: Знаете, я с такой меркой не подхожу — стоило или нет, Австралию принимаю, какой бы она ни была и что бы в ней ни происходило. Мне легко и радостно здесь жить, я знаю, что это моя страна, я за неё отвечаю. У нас правительство, которое мы активно критикуем, и мой сын участвует в студенческих протестах, потому что это его страна, он хочет изменить её к лучшему.

В.С.: Люди, которые сюда эмигрируют из России, разделяют ваше мнение?

Е.Г.: Кое-кто из них бывает разочарован: здесь нет культа фирменных товаров, нельзя купить многое из того, что есть в богатой нефтью России. В этом смысле мы провинция. Тем, кто уезжает из России, чтобы просто куда-то приехать, здесь бывает трудно прижиться: Австралия — это не Америка, но и не Европа, в ней хорошо жить каждому, кто её понимает, знает и любит... ■

«В Новом Свете», Нью-Йорк, 2014/07/30

Справа, сверху вниз:

Лёва и Волга Борисёвичи, 1939 г., Городецкий детдом.

Оборот письма-треугольника.

Детдомовцы на демонстрации.

(Волга — вторая справа), 1945 г., Городец.

С сыном Ральфи. 2016 г.

